

ПЕРЕЧИТЫВАЯ «О РАЗНЫХ МЕТОДАХ ПЕРЕВОДА» ШЛЕЙЕРМАХЕРА: К ОСНОВАНИЯМ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ¹

С. Т. Золян²

Перевод – явление многомерное. Все теории отмечают многообразие различных типов и стратегий. Одни и те же явления, которые описываются как необъяснимые отклонения в одной из теорий, могут стать основой для другой. Подобная ситуация может привести к идее заменить теорию ее эмпирическим коррелятом. Однако возможен и противоположный подход: наметить основные контуры теории переводческой и переводоведческой относительности, которые основываются на идеях, впервые высказанных Шлейермахером в его лекции «О различных методах перевода» (1813), а также на теории неопределенности перевода Куайна и концепции о не-эквивалентности перевода Бенямина. С междисциплинарной точки зрения указанная неоднородность выступает как преимущество. Вместо универсальной типологии, которая неизбежно распадется на ряд слабо связанных других автономных теорий литературного, технического, синхронного и иных типов перевода, можно предложить подход, где теории отличались бы не сферой описания, а аксиоматикой. Это будет семейство лингвистических, семиотических и герменевтических теорий, которые: а) связаны между собой отношением фамильного родства; б) ориентированы на адекватное описание некоторого типа перевода; в) взаимно дополняют друг друга. Вместо выявления универсальных принципов, приложимых ко всем типам перевода, ставится проблема соотношения между собой различных теорий и оценки степени и радиуса их приложимости, а также взаимопереводимости / непереводаемости самих теорий перевода.

Ключевые слова: Шлейермахер, «О различных методах перевода», переводоведческая (традуктологическая) относительность, текстоцентричная семантика, неопределенность перевода, непереводаемость.

1. Перевод – явление многомерное и многоаспектное, поэтому, как отмечается всеми исследователями, существует множество разнообразных типов и стратегий перевода. При этом одни и те же явления, которые описываются как необъяснимые отклонения в одной из теорий, способны стать основой для другой. Подобная ситуация может привести к соблазнительной идее отказаться от теории и заменить ее неким эмпирическим коррелятом, как то и было предложено одним из наиболее авторитетных исследователей в этой области:

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №17-18-01536 «Трансфер знаний и конвергенция методологических традиций») в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук.

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 18.08.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-4-6

© Золян С. Т., 2017

Вместо того чтобы говорить о теориях перевода, вероятно, следует говорить о различных подходах к задачам перевода, о различных ориентациях, которые обеспечивают правильное понимание (*helpful insight*), и различных способах говорить о том, как некоторое сообщение может быть перенесено (*transferred*) из одного языка в другой [18, p. 21] (перевод наш. — С. 3.).

Однако возможен и противоположный подход: это будут некоторые контуры теории переводческой и переводоведческой относительности. Мы уже писали о возможности теории, основанной на относительности критериев оценки перевода [7], где попытались развить заключение ранней совместной статьи (1969) М. Л. Гаспарова и Н. С. Автономовой:

Нет переводов вообще хороших и вообще плохих, нет идеальных, нет канонических. Ни один перевод не передает подлинника полностью: каждый переводчик выбирает в оригинале только главное, подчиняет ему второстепенное, опускает или заменяет третьюстепенное. Что именно он считает главным и что третьестепенным — это подсказывает ему его собственный вкус, вкус его литературной школы, вкус его исторической эпохи [2, с. 112].

Подобный подход был назван нами принципом переводческой относительности. Здесь же мы попытаемся развить его в ином направлении: от относительности *переводческой* перейти к относительности *переводоведческой*.

При мультидисциплинарном подходе указанная в [18] разнородность будет значительным преимуществом, поскольку не требуется построение некоторой универсальной типологии, которая неизбежно тут же распадется на множество слабо связанных между собой автономных теорий перевода литературного, технического, синхронного и т. д. Вместо набора подобных «жанровых» теорий можно предложить подход, где теории отличались бы не сферой описания («референцией»), а аксиоматикой. Это будет некоторое семейство лингвистических, семиотических и герменевтических теорий перевода, которые: а) связаны между собой отношением фамильного родства; б) ориентированы на адекватное описание некоторого типа перевода; в) взаимно дополняют друг друга. Вопрос не в том, чтобы выявить некоторые универсальные глубинные принципы, приложимые ко всем типам перевода, а скорее в том, чтобы соотнести между собой различные теории и оценить степень и радиус их приложимости. Это будет проблема взаимопереводимости / неперевоодимости самих теорий перевода. Главное видится не в демонстрации их отличий, а в том, чтобы в рамках единой системы (своего рода «теории теорий») выявить возможность перехода от одной теории к другой, причем не посредством тривиального указания на отличие сферы перевода (скажем, «теория технического перевода отличается от теории художественного»), а как трансформацию некоторых базисных принципов, в разной мере значимых для различных типов и сфер перевода и в них различным образом манифестируемых.

Методология такого подхода может быть развернута и представлена как общая схема перехода от одного языкового каркаса к другому, что столь су-

щественно при меж- и трансдисциплинарных исследованиях. Он же может иметь и практическое применение, предоставив переводчикам и преподавателям экспликацию значимых характеристик, относительно которых возможна оценка переводов, с указанием сфер, для которых эти характеристики являются релевантными.

Принимая во внимание возможности подобного развития, мы предложили теоретические предпосылки для текстоориентированной теории перевода, которая может пролить свет на некоторые новые аспекты теории перевода, в первую очередь интертекстуальные и контекстуальные [5; 6]. Однако одна из ее основных задач выходит за рамки лингвистики перевода — это будет, скорее, своего рода «транс-теория» перевода, предполагающая возможность объединить в рамках единой системы те теоретические положения, которые были выдвинуты применительно к переводу в различных областях гуманитарного знания и потому до сих пор не рассматривались в рамках холистического описания. Это поможет создать основу также и для соотношения различных теорий перевода с культурологией — если, вслед за Ю. М. Лотманом, рассматривать культуру как иерархическую структуру, которая образована текстами различной семиотической природы и чьи механизмы обеспечивают коммуникацию между ее различными акторами и рецепиентами. Предлагаемые ниже положения могут стать исходными для решения подобной задачи.

2. В этой связи имеет смысл обратиться к классической статье Фридриха Шлейермахера 1813 г. «О разных методах перевода». К ней часто отсылают, имея ввиду скорее ее поверхностные следствия (например, разграничение между устным и письменным переводом). Как заклинание, часто приводят его сравнение труда переводчика с выбором пути:

Либо переводчик оставляет в покое писателя и заставляет читателя двигаться к нему навстречу, либо оставляет в покое читателя, и тогда идти навстречу приходится писателю. Оба пути совершенно различны, следовать можно только одним из них, всячески избегая их смешения, в противном случае результат может оказаться плачевным: писатель и читатель могут вообще не встретиться [12, с. 132]³.

Между тем основные положения лекции Шлейермахера могут быть прочитаны куда интереснее, если рассматривать их в контексте идей, высказанных уже на полтора столетия позже. Здесь можно увидеть некоторый инструмент *соотнесения* между собой различных аспектов перевода и, соответственно, различных переводоведческих теорий. Эти теории не могут считаться взаимопереводимыми, но при таком подходе они оказываются взаимовы-

---

³ Примечательно, что эта наиболее часто цитируемая мысль Шлейермахера была позаимствована им у Гёте. В эссе, посвященном «братской памяти Виланда» (февраль 1813 г., за четыре месяца до лекции Шлейермахера), Гёте писал: «Существует два принципа перевода: один из них требует переселения иностранного автора к нам — так, чтобы мы могли увидеть в нем соотечественника, другой, напротив, предъявляет нам требование, чтобы мы отправились к этому чужеземцу и применились к его условиям жизни, складу его языка, его особенностям» (цит. по: [11, с. 33]).

водимыми (так же, как, например, значения многозначного слова различны и предполагают разные синонимические ряды, но в то же время взаимовыводимы друг из друга; при этом схемы вывода могут различаться):

О каких бы методах перевода ни шла речь — о формальном или содержательном, о точном или изящном, все неизбежно сводится к двум вышеупомянутым; что касается их достоинств и недостатков, то точность и передача смысла, буквализм и полная свобода в рамках одного метода будут пониматься совершенно иначе, чем в рамках другого... Для ясности каждый из методов перевода можно было бы снабдить сводом правил и корпусом наиболее удачных образцов, которые можно было бы сравнить и оценить [12, с. 132–133].

3. В XX в. эта идея возрождается, но уже совсем в иной философской традиции. Концепцию Фридриха Шлейермахера о множественности методов перевода в первую очередь можно соотнести с теорией неопределенности (indeterminacy) перевода Уилларда Куайна. Если вчитаться в определение, которое Куайн дает «неопределенности», то нетрудно заметить, что речь скорее идет о множественности или альтернативности. У Куайна «неопределенность перевода» означает не невозможность приемлемого перевода, но множественность и несовместимость возможных теорий («пособий»). Первоначально, в 1960 г., он так объяснял понятие «неопределенность перевода»: это наличие различных лингвопереводоведческих теорий («руководств»), каждое из которых «правильно», так как адекватно описывает речевую деятельность. Однако эти «руководства» несовместимы друг с другом — приемлемый согласно одной теории перевод может быть не эквивалентен другому, который также «приемлем», но уже в рамках другой теории:

Руководства для перевода с одного языка на другой могут быть составлены различными способами; все они могут быть совместимы со всей совокупностью речевых диспозиций, но в то же время не совместимы друг с другом. В бесчисленном множестве случаев они будут различаться в том, что они предлагают в качестве соответствующих переводов предложений одного языка на предложения другого языка, которые не находятся одно к другому в отношении какой-либо удовлетворительной эквивалентности [8, с. 44].

Вследствие несовместимости этих теорий мы не в состоянии указать, какой именно из переводов следует выбрать (какой из них «лучший»), если только не примем одну из альтернатив, проигнорировав остальные. Предположение о единственности приемлемого перевода Куайн считает абсурдом, но неопределенность, по его мнению, этим не исчерпывается: «Неопределенность, которую я имею в виду, радикальнее. Она состоит в том, что конкурирующие системы аналитических гипотез могут предписывать... в бесчисленных случаях резко различающиеся переводы — не просто взаимные парфразы, а переводы, каждый из которых исключается другой системой перевода» [8, с. 95].

Впоследствии, в 1987 г., У. Куайн счел необходимым уточнить: отсутствие перевода, признаваемого всеми теориями как приемлемый, не есть свидетельство того, что не существует приемлемого перевода (пусть и некоторые из переводов отвергались бы в некоторых из теорий):

Критика значения, заданная моим тезисом о неопределенности перевода, направлена против неверных взглядов, но она не приводит к нигилизму. Переводы продолжают существовать и не перестают быть необходимыми. Неопределенность означает не невозможность приемлемого перевода, а возможность множества таковых [9, с. 43].

Поставив почти ту же проблему, что и Шлейермахер, Куайн фактически уходит от поиска ее решения — вместо этого Куайн выдвинул понятие «радикального перевода», предполагающего отказ от метаязыковой рефлексии, будь то опыт переводчиков, двуязычных носителей языка или обращения к словарям. Идеальной моделью «радикального перевода» оказывается ситуация «неизвестного языка», когда «переводчик» не владеет языком говорящего и вынужден понимать его путем непосредственного восприятия предметов и ситуаций, на которые указывает говорящий. В качестве своего рода посредника между языками выступают непосредственно наблюдаемые факты [8, с. 45]. Чем сильнее мы отдаляемся от подобной ситуации, тем меньше, согласно Куайну, оснований говорить об осмысленных критериях оценки и сравнения переводов между собой.

Теория Куайна была признана в качестве фундаментальной в одном из доминирующих направлений философии языка и семантики, но, что вполне естественно, она оказала весьма скромное влияние на теорию перевода. Между тем, как это ни парадоксально как с хронологической, так и с концептуальной точки зрения, мысль о неопределенности перевода может получить интересное развитие не столько в предлагаемом Куайном «радикальном переводе», сколько в том, что было высказано Шлейермахером. Как и впоследствии Куайн, Шлейермахер указывает на несовместимость критериев, по которым следует оценивать переводы: «То, что верно для значения в одном методе, или слишком буквальном, или слишком свободном, будет отличаться в другом» [12, с. 132]. Соответственно, вместо универсальной теории он предложил составить нечто вроде «руководств» Куайна: «Для каждого из двух методов можно изложить набор инструкций, относящихся к разным риторическим жанрам» [Там же]. Хотя детальное развитие этих положений Шлейермахер «оставляет другим», в его лекции достаточно ясно сформулирован ряд положений, которые до сих пор не были приняты во внимание и могут быть адекватно переформулированы с помощью концептуального аппарата современной лингвистики, семиотики, когнитивных наук и теории коммуникации. Попытаемся выделить их и наметить пути их возможного развития.

4.0. Как нам представляется, основой предлагаемой Шлейермахером теории была экспликация целей и задач перевода и определение границ применимости различных переводоведческих методов. Шлейермахер не только демонстрирует разнообразие методов и неопределенность критериев оценки

переводов, но и вскрывает причины этого явления: это не более или менее случайное расхождение во вкусах, оно коренится в самой природе перевода как языковой деятельности. Согласно его главной идее, типология перевода зависит не от среды (устной или письменной) или сферы (науки, искусства, права и т. д.), а от степени заложенной в тексте креативности и индивидуальности⁴. Термины *устный* и *письменный* — лишь условные обозначения двух принципиально отличных типов, основное различие между которыми определяется характером и степенью вовлеченности авторского начала в текст:

Чем меньше проявляет себя создатель исходного текста, ограничиваясь ролью инструмента восприятия и следуя требованиям места и времени, тем больше его работа — предмет устного перевода. Так, переводчик газетных статей и обыкновенных путевых заметок ближе к устному переводчику, претензии на художественность с его стороны были бы смешны. И наоборот, чем больше собственного видения вещей и оригинальных ассоциаций выказал автор в своей работе, чем более он свободен в выборе своей задачи, тем более его труд приближается к высокой художественной сфере, и переводчик должен в этом случае обладать другими возможностями и другим мастерством и совсем по-иному проникать в дух писателя и его язык, чем это может сделать устный переводчик... [12].

Это ключевое положение может быть дополнено рядом других идей Шлейермахера, которые соотносимы с определяющими для теории перевода современными подходами. Выделив их, мы тем самым опишем каркас, возникающий вокруг его ключевой идеи о характере отличий между способами перевода. Ограничимся выделением следующих тезисов.

4.1. Функциональное различие дискурсов в зависимости от их доминанты. Шлейермахер особо выделяет все те случаи, независимо от сферы (будь то художественная, научная или правовая), «где преобладает мысль, опирающаяся на речь, а не на дело, произвольным, но вполне определенным знаком которого является слово». Безусловно, это напоминает разницу между референциальной и поэтической функциями языка [17]. Этот аспект представляется достаточно хорошо изученным («искусство перевода», перевод как искусство — в противоположность переводу как мастерству или даже ремеслу).

4.2. Проблема переводимости / непереводимости — как принципиальная непереводимость оригинала и столь же принципиальная «инаковость» перевода:

Переводчик должен быть доволен, если в отдельных частях ему удалось то, что не получается в целом. В отношении своих читателей он должен рассчитывать

---

⁴ Здесь возникает интересная параллель с введенным Ю.М. Лотманом понятием переводимости-непереводимости как характеристики семиотической гетерогенности текста и его креативности: «Комбинация переводимости — непереводимости (с разной степенью того и другого) определяет креативную функцию. Поскольку смыслом в данном случае оказывается не только тот инвариантный остаток, который сохраняется при разнообразных трансформационных операциях, но и то, что при этом изменяется, мы можем констатировать приращение смысла текста в процессе этих трансформаций» [10, с. 159].

на то, что они не будут оценивать его работу так строго, как оценивали бы оригинал, а еще похвалят за то, что в одном произведении или даже в отдельных его частях ему удалось достичь равновесия, что слово не отягощено посторонними смыслами и гармония формы оригинала не обернулась в переводе пестрой мешаниной [12].

В то же время «близость» перевода к оригиналу — характеристика тривиального перевода, механистически определяемого межъязыковыми соответствиями:

Такой перевод является почти механической работой, для которой не требуется особенно глубокое знание языков, и при отсутствии грубых ошибок хороший перевод мало отличается от плохого [12].

Межъязыковая точность парадоксальным образом может оказаться «высшей степенью унижения» для переводчика: вопрос о пределах перевода и переводимости перерастает в проблему его инаковости и даже чужеродности. Любой перевод может быть лишь частичным отображением оригинала:

Чем точнее переводчик придерживается текста оригинала, тем более чужеродным покажется читателю перевод. Этот метод, конечно, уязвим для насмешек. Но если не гнаться за легкостью и дешевизной, если не смешивать неумелые школярские потуги с работой мастера, то можно говорить о создании особого языка, который не тождествен повседневному, является результатом целенаправленной деятельности и демонстрирует некое сходство с иностранным языком. Надо признать, что достичь этого уровня мастерства, сохраняя чувство меры, без ущерба для себя и для языка — самая большая трудность, которую предстоит преодолеть переводчику. Для человека, неплохо пишущего, такой метод может обернуться высшей степенью унижения [12].

Безусловно, здесь уместно вспомнить теорию перевода Вальтера Беньямина⁵ и ее продолжение в современной философии [1; 14]. Беньямин как бы договаривает то, что во времена Шлейермахера не могло быть высказано столь однозначно. По Шлейермахеру, «если каждое слово одного языка имело бы точное соответствие в другом, выражая то же понятие в тех же обстоятельствах и сочетаниях, то есть если бы языки и впрямь отличались бы только по звучанию, то в области искусства и науки любой перевод, как устный, так и письменный, был бы столь же механическим, как в сфере деловых отноше-

---

⁵ Ср.: «Перевод был бы невозможен, если бы его глубинной сущностью было стремление к схожести с оригиналом. Ибо в своей последующей жизни — а она не могла бы так называться, если бы не была преобразованием и обновлением чего-то живущего, — оригинал претерпевает изменения. Дозреть могут даже слова с фиксированным значением. То, что в эпоху автора могло являться особенностью его поэтического языка, способно впоследствии породить имманентные тенденции его творения... Ведь в то время, как поэтическое слово продолжает жить в языке автора, даже величайшим переводам суждено меняться с ростом их родного языка и в конечном итоге быть поглощенными этим ростом» [3].

ний, и о каждом переводе можно было бы сказать, что иностранный читатель воспримет произведение и автора так же, как читающий на исходном языке» [12]. Но поскольку это явно не так, то возникает вопрос: к чему же приводит отсутствие подобных соответствий? Позднее эту идею Вальтер Беньямин доведет до логического конца: перевод есть не сопоставление двух языков, а динамический процесс обретения языковыми единицами смысла: это «дозревание чужого слова» и «рождение своего»⁶. Межъязыковые соответствия, по Беньямину, не дублируют, а дополняют друга друга, почему и не могут считаться эквивалентами: «"Brot" для немца и "rain" для француза значат не одно и то же, не являются взаимозаменяемыми и фактически стремятся к взаимоисключению»⁷. Множественность взаимодополняющих переводов оригинала у Вальтера Беньямина есть манифестация множественности взаимодополняющих языков, по-разному выражающих означаемое и только в совокупности дополняющих его до целого. Что же касается отдельного перевода, то, согласно Беньямину, это не образ целого (оригинала), а только лишь касательная: возможности совпадения между ними ограничиваются исключительно одной точкой: «...перевод касается смысла оригинала мимолетно и лишь в одной бесконечно малой точке, чтобы следовать своему собственному пути в соответствии с законом точности в свободе языкового потока» [3].

4.3. Следующее положение «Лекции», которое должно быть выделено как имеющее непосредственную связь с современными териями перевода и межкультурной коммуникации, — это диалектическая взаимозависимость («взаимное со-творение») между языком и его носителем, говорящим: «Каждый человек находится во власти языка, на котором он говорит. Он и все его мышление суть творения языка. У него не может возникнуть никакой сколько-нибудь определенной мысли вне языка; языком, с которым он родился и вырос, предопределен характер его представлений, тип и пределы их сочета-

⁶ Ср.: «Перевод настолько далек от того, чтобы быть бесплодным отождествлением двух мертвых языков, что именно ему среди всех прочих литературных форм предназначено следить за созреванием чужого слова и за муками рождения своего собственного» [3].

⁷ Ср.: «Любое надъисторическое родство языков заключается в том, что в основе каждого в целом лежит одно и то же означаемое, которое, однако, недоступно ни одному из них по отдельности, но может быть реализовано лишь всей совокупностью их взаимно дополняющих интенций. Это означаемое есть чистый язык. В то время, как все отдельно взятые элементы иностранных языков — слова, предложения, контексты — являются взаимоисключающими, сами языки дополняют друг друга в своих интенциях. Для четкого уяснения этого, одного из основополагающих, закона философии языка при рассмотрении языковой интенции необходимо различать между означаемым и способом производства значения. Слова "Brot" и "rain" имеют одинаковое означаемое, способ же производства значения у них разный. Именно благодаря последнему "Brot" для немца и "rain" для француза значат не одно и то же, не являются взаимозаменяемыми и фактически стремятся к взаимоисключению. Однако означаемое как абсолютная категория у обоих слов идентично. Таким образом, в то время как по способу производства значения эти слова противостоят друг другу, сам способ дополняет себя в языках, из которых эти слова взяты» [3].

емости, а также его разум и фантазия» [12]. Очевидно, что это одновременно и аналог теории лингвистической относительности, и вместе с тем оправданное оппонирование ей: воздействие языка на сознание его носителя дополняется или уравновешивается его «потребностью самовыражения» и способностью создавать «новые формы»:

Живая сила каждого человека создает в языке новые формы, которые сначала служат потребностям самовыражения, но затем большая или меньшая часть их сохраняется в языке и распространяется, воспроизводится, становясь достоянием многих. Лишь тот, кто в какой-то степени воздействует на язык, заслуживает внимания за пределами узкого круга своей деятельности. Любая речь скоро теряет значение, если звучит одинаково из многих уст, долгий век имеет только та, что внесла нечто новое в жизнь языка, поэтому любую свободную, возвышенную речь надо воспринимать двояко: во-первых, исходя из духа языка, которым она связана и обусловлена и на основе которого творит живой образ, а во-вторых, исходя из ситуации и внутреннего состояния говорящего [12].

4.4. Наконец, выделяется такой, возможно наиболее органичный для герменевтического подхода, аспект, как перевод, рассматриваемый в качестве проблемы самопознания, понимания и объяснения:

Ведь в посредничестве переводчика нуждаются не только разные племена одного народа, использующие разные изводы одного языка или наречия... но даже и современники, не разделенные диалектами, а лишь происходящие из разных классов, получившие разное образование и не связанные постоянным общением. И разве редко возникает у нас потребность перевести для себя речь другого, даже похожего на нас человека иных взглядов и иного характера, когда мы чувствуем, что те же слова в наших устах имеют совершенно иной смысл или по крайней мере звучат сильнее или слабее, так что, желая выразить его мысли на свой манер, мы должны употребить совершенно другие слова и обороты — получается, что мы переводим. Даже наши собственные речи спустя какое-то время иногда приходится переводить, если мы хотим их наново освоить [12].

Безусловно, это наиболее герменевтическая идея из «Лекции», и она находит отражение в подходе Поля Рикёра [19]. Рикёр подхватывает формулу Джорджа Стайнера «понимать — значит переводить» [20]. Различие между языками дополняется различиями внутри языка. Понимание и перевод основаны на репрезентации Себя как Другого: «Думать и говорить — это всегда переводить, даже когда кто-либо говорит сам с собой, когда человек обнаруживает следы Другого в себе (и никому не дано существовать без них). Ведь язык, понимаемый как специфическое свойство человека, всегда связан и с конкретным и особым языком, и с разнообразием и множественностью языков (the variety and plurality of languages)» (цит. по: [16, р. XX], перевод наш. — С. 3.) «Внутренний перевод» (внутриязыковое перифразирование) как процесс понимания дополняется понятием «языкового гостеприимства» — способностью принять и поселить слово Другого в собственном доме [19, р. 10–11].

5.0. Дальнейшие перспективы: контуры текстоцентричной теории перевода. Обобщая возможные подходы, можно прийти к заключению⁸, что различие в методах перевода обусловлено характеристиками текста-оригинала, будь то его исходные характеристики или же приписываемые ему (ср. с возможной реинтерпретацией текста — например, при переводе художественного текста как исторического или наоборот).

В зависимости от этого перевод:

1) детерминирован стандартными языковыми правилами и регулярными межъязыковыми соответствиями;

2) осуществляется посредством референции («радикальный» перевод): определяющей оказывается адекватность преобразования (или совпадение) референциальных правил говорящего и слушающего (автора и переводчика).

Но возможны и противоположные случаи:

3) референция текста не может быть сведена к референции его отдельных сегментов, а относится к некоторому культурному континууму;

4) текст является выражением лингвистической, культурной и когнитивной свободы автора.

В последнем случае межъязыковые и референциальные соответствия оказываются существенными, но не определяющими. Не столько межъязыковая адекватность, сколько воспроизведение «удачных условий» (воспользуемся понятием из иной сферы философии языка), при которых функционирует текст-оригинал, оказывается определяющим критерием. Предложенное коррелирует с двумя различными определениями перевода, данными Витгенштейном [4]. Согласно первому, перевод есть целостное отображение, основанное на отношении внутренней иконичности между семиотически различными текстами:

4.012. Очевидно, что предложение формы aRb мы воспринимаем как образ. Здесь, очевидно, знак есть подобие обозначаемого.

4.013. И если мы проникнем в сущность этой образности, то увидим, что она *не нарушается кажущимися нерегулярностями*. Потому что эти нерегулярности тоже отражают то, что они должны выразить, но только другим способом.

4.014. Граммофонная пластинка, музыкальная мысль, партитура, звуковые волны — все это стоит друг к другу в том же внутреннем образном отношении, какое существует между языком и миром. Все они имеют общую логическую структуру. (Как в сказке о двух юношах, их лошадях и их лилиях. Они все в некотором смысле одно и то же.)

4.0141. В том, что есть общее правило, благодаря которому музыкант может извлекать из партитуры симфонию, благодаря которому можно воспроизвести симфонию из линий на граммофонной пластинке и — по первому правилу — снова воспроизвести партитуру, — в этом заключается внутреннее сходство этих, казалось бы, совершенно различных явлений. И это правило есть закон проекции, который проектирует симфонию в языке нот. Оно есть правило перевода языка нот в язык граммофонной пластинки [4].

⁸ Обоснование некоторых тезисов было дано нами ранее в [5; 6].

Согласно второму, более традиционному подходу, перевод понимается Витгенштейном как корреляция между лексическими элементами двух языков:

4.025. Перевод одного языка в другой происходит не так, что каждое предложение одного языка переводится в предложение другого; переводятся только составные части предложения. (И в словаре переводятся не только существительные, но и глаголы, прилагательные, союзы и т. д.; и они все трактуются одинаково.) [4].

Безусловно, сама двоякость этих определений отображает многообразие ипостасей, в которых может выступать исходный текст-оригинал. Несколько упрощая — понимаем ли мы текст как некоторую последовательность синтаксически связанных лексических единиц или же как некоторую целостную семантико-прагматическую структуру. Эта множественность подходов к переводу, в свою очередь, основывается на множественности подходов к тексту (и подтверждается ею).

5.1. Текст можно рассматривать либо как готовый продукт, как определенную синтагматически организованную линейную композицию знаков, либо как многомерный процесс, включающий в себя его порождение и интерпретацию / перевод (см.: [13]). Соответственно, текст и контекст будут анализироваться как базовые понятия, а знаки и значения — как зависящие от контекста переменные. Поэтому семантика исходного текста зависит от изменяющегося культурного и социального контекста и подвержена постоянным преобразованиям в динамическом континууме контекстов и интертекстов (ср.: [15]). Множественность и «неопределенность» (понимаемая как отсутствие лучшего) переводов есть выявление и текстовая репрезентация семантического потенциала рассматриваемого как процесс текста-оригинала. Безусловно, этот аспект может быть исследован как дополнительное измерение предлагаемой Шлейермахером идеи о множественности переводческих методов. Если исходить из того, что семантика текста — динамическая, изменяющаяся в зависимости от контекста многомерная структура, то в качестве перевода-эквивалента можно рассматривать не отдельный текст, а взятое как совокупность, зафиксированное на другом языке множество отображений этой структуры. Возможно, так следует понимать парадоксальный тезис Вальтера Беньямина: «В своей последующей жизни — а она не могла бы так называться, если бы не была преобразованием и обновлением чего-то живущего, — оригинал претерпевает изменения. Вырастая в переводе, оригинал как бы поднимается в более высокую, более чистую языковую атмосферу» [3].

Список литературы

1. Автономова Н. Познание и перевод. Опыты философии языка. М., 2008.
2. Автономова Н., Гаспаров М. Сонеты Шекспира — переводы Маршака // Вопросы литературы. 1969. №2. С. 100 — 112.

3. *Беньямин В.* Задача переводчика. Предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера / пер. Е. Павлова // Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М., 2012. URL: <http://kassandrion.narod.ru/commentary/11/6ben.htm> (дата обращения: 17.05. 2017).
4. *Витгенштейн, Л.* Логико-философский трактат / пер. с нем. И. Добронравова и Д. Лахути ; общ. ред. и предисл. В.Ф. Асмуса. М., 1958.
5. *Золян С.Т.* Текстцентричная семантика и теория перевода // Иностранные языки в высшей школе. 2013. Вып. 2 (25). С. 11 – 18.
6. *Золян С.Т.* Текстцентричная семантика и теория перевода. Статья 2: Семантика перевода как семиотическая переменная // Иностранные языки в высшей школе. 2016. Вып. 4 (39). С. 45 – 55.
7. *Золян С.Т. М.Л. Гаспаров и принцип относительности поэтического перевода // М.Л. Гаспаров. О нем. Для него : статьи и материалы / сост., предисл. М. Акимовой, М. Тарлинской. М., 2017. С. 486 – 504.*
8. *Куйин У.* Слово и объект. М., 2000.
9. *Куйин У.* Еще раз о неопределенности перевода // Логос. 2005. №2 (47). С. 32 – 45.
10. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2000.
11. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. М., 1983.
12. *Шлейермахер Ф.* О разных методах перевода: Лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 2000. №2. С. 127 – 145. URL: www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/Schleiermacher.doc (дата обращения: 12.09.2017).
13. *Barthes R.* From Work to Text // Textual Strategies: Perspectives in Poststructuralist Criticism. Ithaca ; N.Y., 1979. P. 73 – 81.
14. *Derrida J.* What Is a "Relevant" Translation // Critical Inquiry. 2001. Vol. 27, № 2. P. 174 – 200.
15. *Eco U.* Experiences in translation. Toronto, 2008.
16. *Kearney R.* Introduction: Ricoeur's philosophy of translation // Ricoeur P. On Translation. L., 2006, P. VII – XX.
17. *Jakobson R.* Linguistics and Poetics // Style in Language. N.Y., 1960.
18. *Nida E. A.* Theories of Translation // TTR: traduction, terminologie, rédaction. 1991. Vol. 4, № 1. P. 19 – 32.
19. *Ricoeur P.* On Translation. L., 2006.
20. *Steiner G.* After Babel. Aspects of Language and Translation. Oxford, 1998.

Об авторе

Золян Сурен Тигранович, доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

Для цитирования:

Золян С.Т. Перечитывая «О разных методах перевода» Шлейермахера: к основаниям теории переводоведческой относительности // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 4. С. 67 – 80. doi: 10.5922/2225-5346-2017-4-6.

REVISITING SCHLEIERMACHER'S
ON THE DIFFERENT METHODS OF TRANSLATING:
ON THE FOUNDATIONS OF TRANSLATION RELATIVITY THEORY

S. T. Zolyan¹

¹Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on September 18, 2017

*Translation is a multidimensional phenomenon. All the theories stress the diversity of its types and strategies. Phenomena described as an unexplainable deviation within one theory can form the foundation for another. This may lead to the idea of replacing a theory of translation with its empiric version. However, a different approach is also possible. The outlines of the theory of translational and traductological relativity can be derived from the ideas first voiced by Schleiermacher in his lecture *On the different methods of translation* (1813), from Quine's theory of indeterminacy of translation, and from Benjamin's concept of untranslatability. From a multi-disciplinary perspective, this heterogeneity is viewed as a benefit. Instead of a universal typology, which inevitably breaks down into a plethora of loosely connected theories of literary, technical, simultaneous, and other types of translation, one can employ an approach where theories differ in axiomatics rather than descriptions. This will produce a family of linguistic, semiotic, and hermeneutic theories. These theories will a) be based on family resemblance, b) aim to describe adequately a certain type of translation, and c) complement each other. Instead of searching for principles universal to all types of translation, this approach strives to correlate different theories, to estimate the range of applications of these theories, and to analyse the mutual translatability/untranslatability of translation theories.*

Key words: Schleiermacher's lecture *On the different methods of translating*, traductological relativity, text-oriented semantics, indeterminacy of translation, untranslatability.

References

1. Avtonomova, N., 2008. *Poznanie i perevod. Opyty filosofii yazyka* [Cognition and translation. Experiences of language philosophy]. Moscow.
2. Avtonomova, N., 1969. M. Gasparov: 'Shakespeare's sonnets – translations of Mar-shak'. *Voprosy literatury* [Issues of literature], 2, p. 100 – 112.
3. Ben'yamin, V., 2012. Task of the translator. Foreword to the translation of Baudelaire's «Paris paintings». In: Ben'yamin, V. *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya* [The doctrine of similarity. Media-aesthetic works]. Available at: <http://kassandrion.narod.ru/commentary/11/6ben.htm> [Accessed 17 May 2017].
4. Vitgenshtein, L., 1958. *Logiko-filosofskii traktat* [Logico-philosophical treatise]. Moscow.
5. Zolyan, S. T., 2013. Text-centric semantics and translation theory. *Inostrannye yazyki v vysshei shkole* [Foreign languages in higher education], 2 (25), p. 11 – 18.
6. Zolyan, S. T., 2016. Text-centric semantics and translation theory. Article 2: Semantics of translation as a semiotic variable. *Inostrannye yazyki v vysshei shkole* [Foreign languages in higher education], 4 (39), p. 45 – 55.
7. Zolyan, S. T., 2017. M. L. Gasparov and the principle of relativity of poetic translation. In: M. Akimova, M. Tarlinskaya, eds. *M. L. Gasparov. O nem. Dlya nego: Stat'i i materialy* [Gasparov. About him. For him: Articles and materials]. Moscow, p. 486 – 504.

8. Quine, W., 2000. *Slovo i ob"ekt* [Word and object]. Moscow.
9. Quine, W., 2005. Eshche raz o neopredelennosti perevoda [Once again about the uncertainty of the translation]. *Logos*, 2(47), p. 32–45.
10. Lotman, Yu. M., 2000. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg.
11. Fedorov, A. V., 1938. *Osnovy obshchei teorii perevoda* [Fundamentals of general theory of translation]. Moscow.
12. Shleiermakher, F., 2000. 'On different methods of translation: Lecture, read on June 24, 1813'. *Vestnik MGU, Ser. 9.: Filologiya* [Bulletin of the MSU, Ser. 9: Philology], 2, p. 127–145.
13. Barthes, R., 1979. *From Work to Text. Textual Strategies: Perspectives in Poststructuralist Criticism*. Ithaca, N. Y., p. 73–81.
14. Derrida, J., 2001. What Is a "Relevant" Translation. *Critical Inquiry*, 27 (2), p. 174–200.
15. Eco, U., 2008. *Experiences in translation*. Toronto.
16. Kearney, R., 2006. Introduction: Ricoeur's philosophy of translation. Ricoeur, P. *On Translation*. Routledge, London, p. 7–20.
17. Jakobson, R., 1960. Linguistics and Poetics. In: T. Sebeok, ed. *Style in Language*. N. Y.
18. Nida, E. A., 1991. Theories of Translation. *TTR: traduction, terminologie, rédaction*, 4 (1), p. 19–32.
19. Ricoeur, P., 2006. *On Translation*. London.
20. Steiner, G., 1998. *After Babel. Aspects of Language and Translation*. Oxford.

The author

Prof Suren T. Zolyan, the Institute for the Humanities, the Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

To cite this article:

Zolyan S. 2017, Revisiting Schleiermacher's *On the Different Methods of Translating: On the Foundations of Translation Relativity Theory*, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 8, no. 4, p. 67–80. doi: 10.5922/2225-5346-2017-4-6.